

11. Сатлаев Ф. А. Кумандинцы. Горно-Алтайск: Алтайское кн. изд-во, 1974. 200 с.
12. Тошаква Е. М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1978. С.152–153.
13. Фонограф // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1902. Т. 36. С. 249–250.

DOI 10.37386/2687-0584-2022-17-281-285

УДК 392.9

И. В. Чернова

«А это я крокодилов разводить собираюсь...»: неформальные практики и коммуникации жителей Павлоградского района Омской области (по материалам этнологической экспедиции ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2022 г.)

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Аннотация. Изучение неформальных практик превратилось в актуальную проблему этнографического поля, требующую рефлексии. Разработка темы на локальных материалах с опорой на базу кейсов и методические инструменты по сбору материалов, предлагаемые в социальных науках, дали возможность охарактеризовать специфику неформальных практик, сформировавшихся в «негородском» пространстве районного центра на протяжении второй половины XX – первых десятилетий XXI века. **Ключевые слова:** *неформальные практики, обмен, шутки.*

На протяжении последнего десятилетия теоретическое осмысление новых вопросов, связанных с современными социальными процессами и изменением сельского пространства, актуализировало разработки в сфере изучения таких проблем, как адаптационные механизмы и культура жизнеобеспечения в условиях экстремальности [1], новая «сельскость» [2], взаимоотношения города и села и освоение сельского пространства [3]. Это способствовало расширению тематики полевых исследований и обновлению методического инструментария для сбора полевых материалов.

К числу новых полевых тем, требующих рефлексии, можно отнести неформальные практики и отношения, возникающие в «негородской» среде, в которую включены не только села и деревни, но и такие промежуточные формы, как районные центры и рабочие поселки. Однако, несмотря на декларируемую новизну, сюжеты, связанные с неформальными практиками, обнаруживаются в рассказах наших информантов об их повседневной жизни а также вычленяются в архивных источниках рубежа XIX–XX вв. Их рассмотрение в качестве самостоятельной проблематики полевых этнологических исследова-

ний стимулировалось изысканиями в сфере экономической социологии, где был накоплен представительный массив кейсов по экономическим неформальным практикам разных стран, структурированных в «Глобальной энциклопедии неформальности» [5].

Неформальные практики, особенно связанные с «теневой» сферой, отличаются высокой степенью сензитивности и поэтому требуют особого подхода при сборе полевого материала. Его основные положения освещены в публикации В. Н. Давыдова и Т. Н. Журавской [6, с. 6–8]. Отступлением от указанных рекомендаций стало обозначение территориальных рамок исследования.

В 2022 г. студенты и преподаватели исторического факультета ОмГУ им. Ф. М. Достоевского проводили полевые исследования на территории Павлоградского района Омской области. Помимо традиционных тем по истории и культуре восточнославянского и тюркоязычного населения, собирался материал и по современным социально-экономическим практикам. Предварительно было выделено несколько проблемных блоков, связанных с функционированием неформальных практик в «негородском» пространстве на приграничной территории: влияние города и территориального положения на распространение неформальных практик, неформальные практики и межэтническое взаимодействие и неформальные коммуникации.

Собранные материалы показывают, что приграничное положение стимулирует развитие практик обмена и торговли, связанных с длительной историей межэтнического взаимодействия. Востребованность животноводческой продукции у тюркоязычного населения способствует развитию коневодства и разведению местным населением мелкого рогатого скота, в основном баранов и овец, мясо которых используется для приготовления праздничных блюд. Начиная с 1990-х гг. в этой сфере важную роль играют частные хозяйства, заинтересованные в эффективном расходовании средств. Именно поэтому распространенной неформальной практикой становится наем пастухов на основе устных договоренностей без заключения договора: «Мяса много продают, в основном конину и баранину... Фермеры и частники нанимают местных, кто-то в „Ниве“ [акционерное общество] подрабатывает. Платят примерно 10 000 [рублей] в месяц. Пасти надо с четырех часов дня до 9 утра» [7, л. 1 об.].

Помимо найма, местные жители практикуют оказание услуг на дому, чему немало способствует близость к городу, статус районного центра и как следствие – сосредоточение бюджетных и социальных структур, широкий доступ к сети Интернет и возможность заказывать товары онлайн: «Женщины чем в основном занимаются? Ма-

нижур, стрижки, ресницы. Мама моя раньше на работе ходила на маникюр, теперь сама научилась, заказала на „Озоне“ лампу и сама себе делает» [7, л. 10]. «В основном дома все делают маникюр, прически, на важные случаи в город ездим. На свадьбу, например» [7, л. 9 об.].

Сфера услуг, где заняты в основном мужчины, представлена полужформализованным частным извозом. Местные таксисты, используя посреднические сервисы, частично зарегистрированы в сетевых службах типа Uber или Яндекс, а частично работают самостоятельно. И те, и другие сконцентрированы возле востребованных торговых точек (магазины «Магнит», «Низкоцен» и «Весна») и автовокзала. О налаженной коммуникации между ними свидетельствует наличие единого прайса с расценками на поездки по близлежащим и труднодоступным населенным пунктам. Так, например, поездка из Павлоградки в Тихвинку по бездорожью обойдется в 800 рублей. Сокращение автобусного сообщения в сельской местности все больше актуализирует данную сферу, стимулирует развитие неформальных коммуникаций и между пассажирами, которые нередко договариваются между собой о совместных поездках в складчину.

Давние традиции и устойчивый характер имеет и домашнее производство алкоголя, нередко сопряженное с его продажей. Информанты охотно делятся рецептурами приготовления браги и самогона, однако описание процесса торговли алкоголем чаще всего ограничивается констатацией факта: «да торгуют некоторые» [7, л. 3]. За трехнедельный срок экспедиционной работы удалось собрать лишь два обстоятельных интервью, описывающих не только изготовление, но также торговлю самогом. Полученные материалы иллюстрируют процесс формирования устойчивых неформальных связей при осуществлении теневой деятельности. У каждого продавца, особенно торгующего на дому, появляется свой круг покупателей, попасть в который можно лишь по рекомендации. Рекомендация таким образом выступает в роли фильтра между «своими» и «чужими»: «Дома продаем [самогон]. В основном по знакомым с работы и их знакомым. Бывают случаи, когда приходит, например, кто-то со стороны, просит продать, удивленно спрашиваем: „Да кто вам это сказал?“ Если называет кого-то из знакомых, то можем продать» [7, л. 10 об.].

Частная торговля дополняется в современных условиях «оплатой переводом» – безналичными транзакциями на личную карту продавца/хозяина товара. Данная форма расчетов была зафиксирована в трех точках общественного питания, а также на «базаре» – открытом рынке, который организуется два раза в неделю и отличается устойчивым ассортиментом товаров. Переводом чаще всего оплачивают-

ся продукты питания – копченые головы красной рыбы, молочные продукты и мясные копчености, рекламу которым создают покупатели: «Вот в прошлый раз головы рыбные брала, знаешь какие вкусные» [7, л. 10 об.]. «А где женщина, что творогом торгует? На прошлой неделе брала у нее творог и сметану, все свежее... Распродала уже всё?» [7, л. 10 об.]. Рынок и сетевые магазины становятся точками притяжения для жителей сельских населенных пунктов, которые приезжают в районный центр закупаться необходимыми товарами.

Помимо современного состояния неформальных практик и коммуникаций, выявлялся и контекст их появления и распространения. Так, один из наших информантов рассказал о проведении ярмарок на рубеже XIX–XX вв.: «Ярмарки переезжали с места на место, часто приезжали бродячие музыканты, они собирали новости по разным городам и передавали их. Часто было, что один грамотный человек прочитает газету, а потом расскажет информацию другим. В лавках рассказывали новости. Женщины тоже ездили на ярмарки, с 15 лет часто незамужние девушки выезжали, «чтобы себя показать и других посмотреть» [8, л. 15 об. – 17].

Интересные сюжеты выявились и при сборе информации о шутках и курьезах, которые также можно рассматривать как важную сферу неформальной коммуникации. Часть одной из историй вынесена в заголовок, так как она как нельзя лучше освещает неформальные практики и коммуникацию: «Я когда маленький был, поймал ящерицу, и ты, у-у-у, Юрий Гагарин. Я их хорошо ловил. Однажды поймал, посадил в корыто во дворе, а тут пацаны соседские пришли, к бабушке приехали они. „О, – говорят, – что это у тебе такое?“ – „А это я крокодилов разводить собираюсь“ (а ящерица же – ее напугаешь, по голове дашь, и она чисто крокодил, пасть откроет, головой трясет). – „А нам покажешь?“ – „Конечно, мясо только несите“ (а сам думаю: не сам наемся, так хоть кота накормлю). – „Ладно, вечером придем“. Пришли, вижу, что мясо принесли, но немного, чтобы родители не заругали, в холодильнике отпилили. Я ящерицу бах по голове, она как забегала, пацаны как дали, только их и видел. Коту мясо досталось» [7, л. 11].

Приведенный сюжет иллюстрирует практики, связанные с обменом и сферу коммуникации, где шутка, как во многом неформальная форма, играет важную роль.

Резюмируя, отметим, что основные неформальные практики сконцентрированы в сфере торговли, услуг и трудовых взаимоотношений. Этому немало способствует приграничное положение района, а также концентрация в районном центре социальных и бюджетных организа-

ций, выравнивающих доходы местных жителей и горожан. Многие из обозначенных практик имеют устойчивый характер и давние традиции — извоз, частная торговля, неторговый обмен, обогащаясь новыми элементами, например, «переводами».

I. V. Chernova

«I'm going to breed crocodiles...»: informal practices and communications of the habitants of the Pavlogradsky district of the Omsk region (based on the materials of the ethnological expedition of the Omsk State University. F. M. Dostoevsky 2022)

Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, Omsk, Russia

Annotation. The study of informal practices has become an urgent problem in the ethnographic field that requires reflection. The development of this problem on the basis of local materials on the basis of cases and methodological collection of materials offered in the social sciences made it possible to characterize the specifics of informal practices that arose in the “non-urban” space of the district center. in the second half of the 20s — the first decades of the 21st century. **Keywords:** *informal practices, exchange, jokes.*

Источники и литература

1. Щеглова Т. К. Культура и быт русского сельского населения юга Западной Сибири в 1930–1950-х гг.: жилище, пища, одежда, семейные и трудовые традиции. Барнаул: АлтГПУ, 2018. 508 с.
2. «Новая сельскость» в современной России: институты, практики, социальное взаимодействие [Электронный ресурс]. URL: <http://project1092903.tilda.ws/#rec85745372> (дата обращения 01.09.2022).
3. Крих А. А., Чернова И. В. Ретрадиционализация в культуре русского сельского населения Западной Сибири (XX — первые десятилетия XXI в.) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: АлтГПУ, 2020. № 10. С. 177–180.
4. См., например: Леденева А. В. Интервью с Аленой Леденевой. Чтобы контролировать уровень неформальности, требуется прицельная терапия теневых практик // Экономическая социология. 2019. Т. 20. № 3. С. 12–24.
5. Глобальный проект неформальности [Электронный ресурс]. URL: https://www.in-formality.com/wiki/index.php?title=Global_Informality_Project (дата обращения 22.09.2022).
6. Давыдов В. Н., Журавская Т. Н. Государство и использование ресурсов: введение // Этнографическое обозрение. 2019. № 4. С. 5–12.
7. Полевые материалы А. А. Крих, И. В. Чернова, И. В. Межевикин. Июль 2022 г. Омская область, Павлоградский район. П. о. 27.
8. Полевые материалы. Июль 2022 г. Омская область, Павлоградский район. П. о. 6.